

Ж.Б. Абылхожин

*Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан
(E-mail: abykhzhin@mail.ru)*

К дискурсу об исторических оценках российско-имперского и советского опытов модернизации в Казахстане

В статье высказаны аргументы, которые, как представляется, способны обосновать несостоятельность российско-имперской и советской моделей модернизации в Казахстане. Что касается первого опыта, то, конечно, он не понимается здесь в смысле и качестве преднамеренно заданного и целенаправленного стремления царизма к осуществлению своей якобы «мессианско-цивилизаторской роли». Под ним подразумевается некий побочный или произвольно попутный «продукт», опосредованный имперской колониальной политикой. В связи с советским опытом сделаны заключения, что он базировался, если иметь в виду сущностно-определяющий для характеристик качества модернизации социокультурный аспект, на устоях аграрно-традиционного общества, пускай, и в его глубоко превращенной, т.е. модифицированной «социалистическими» привнесениями, форме. А потому во многом имел квазимодернизационные результаты. Сразу оговоримся, что в статье рассмотрены сугубо социально-экономические стороны «модернизации», тогда как ее культурно-образовательные проекции здесь опускаются, ибо требуют особого рассмотрения.

Ключевые слова: Казахстан, модернизация, империя, советская культура, аграрно-традиционная ментальность, дискурс.

Введение

По-видимому, можно утверждать, что на протяжении XIX–XX веков Казахстан исторически последовательно претерпел три опыта экономической модернизации (соответственно, столько же социально-политических разрывов).

Первый из них в историографии принято обозначать как российско-имперский, поскольку он проецировался на степную колониальную окраину царской метрополией. Думается, однако, будет правомерно задаться вопросом, а был ли такой опыт вообще или это не более, чем историческая натяжка? Но если он имел место, как утверждали ранее и продолжают утверждать сегодня некоторые публицисты и историки, особенно российские, то каковы его исторически фиксируемые результаты?

Следующий — советский опыт модернизации (в советской историографической традиции под данным презентизмом понимались такие идеологизированные определения, как «социалистические преобразования», «социалистическое строительство», «социалистическая реконструкция», а позднее — «коммунистическое строительство», «коммунистическое переустройство общества» и т.д., и т.п.). Начало его широкомасштабной реализации было связано с развертыванием процессов по тотальному огосударствлению отношений собственности, а именно коллективизацией сельского хозяйства и индустриализацией. В данном аспекте правомерно задаться вопросом о социокультурной природе этого грандиозного по масштабам социально-экономического эксперимента, чему посвящена вторая часть нашей статьи.

Методология и методы исследования

Обращаясь к современному научному знанию и новым методологическим подходам, можно сразу же постулировать, что российская метрополия не сообщала каких-то ощутимых для своих колониальных субъектов «модернизационных» импульсов. Они были столь слабы, что твердить о сколько-нибудь интенсивном проникновении капиталистических отношений в Казахстан на рубеже XIX–XX веков могли только выпестованная истматовскими догматами «красная профессура» и ее поздние последователи. Они, следуя ленинскому тезису о «развитии российского капитализма вширь и вглубь», который рационализировал якобы объективные предпосылки Октября 1917 г. не только в центре, но и на национальных окраинах, пытались усмотреть противоречия между трудом и капиталом чуть ли не в ауле Степного края.

Обсуждение

Кратко резюмируя существующие в научном дискурсе тенденции изучения модернизации и ее опытов на территории Казахстана, следует отметить отсутствие достаточно глубокого анализа социокультурной природы того, что принято называть «модернизацией», как в ее колониальном, так и в советском «исполнении». Безусловно, многие структуры повседневности казахского общества изменились в советское (а какие-то — в российско-имперское) время кардинально. Достаточно вспомнить всеобщее образование, медицину, европейскую архитектуру и искусство, ставшие органичной частью повседневного ландшафта казахов в советское время. Однако эти, безусловно, модернистские достижения никак не объясняют социальную структуру Казахстана советского периода.

Результаты исследования

Как известно, имперский порядок никогда и нигде не был обременен стремлением преобразовать колониальную периферию симметрично или хотя бы приближенно к метрополии. Ведь целеполагание любой колониальной политики, даже если она исходит от буржуазно-либеральных империй (в прошлом по типу Британии, Франции или, скажем, Бельгии и Нидерландов), заключается именно в том, чтобы сохранять условия для максимально удобной и эффективной эксплуатации зависимой территории.

Важнейшим из них являлась консервация традиционных структур. В их пластах регулярно воспроизводился докапиталистический тип социального расслоения (обнищание, т.е. пауперизация и люмпенизация), они непрерывно поставляли рекрутов для резервной армии труда, что позволяло неограниченно использовать дешевую рабочую силу, осуществлять неэквивалентный обмен и прочее (например, в начале XX в. только на экибастузских угольных копях ежегодно ожидали работу около 5 тысяч степняков).

Поэтому понятно, что метрополия вовсе не была заинтересована в сломе традиционно-аграрных отношений или какой-либо их модернизационной адаптации. Напротив, следуя целям обслуживания российского капитала, но, прежде всего, конечно же, руководствуясь установкой на поддержание социально-политической стабильности и порядка в Крае, колониальная администрация всемерно оберегала незыблемость и функциональность традиционной системы институций и социально-сословных статусов (султанства, старшинства, бийства и т.д.).

Но дело не только в этом. Если даже в исторической абстракции допустить, что метрополия возымела бы тогда своей целью преобразовать на капиталистический лад свои колонии, то ей роль проводника такой модернизации была бы попросту не под силу. Ведь внутренняя Россия даже накануне Первой мировой войны представляла собой обширнейшую докапиталистическую аграрную периферию, страну «слаборазвитого капитализма» (по определению Ленина), где его реалии имели буквально точечное или анклавное сосредоточение (немногочисленные промышленные и торговые центры, города). Другими словами, российская метрополия сама была озабочена «догоняющей» по отношению к Западной Европе и Северной Америке модернизацией. И если промышленность начинала как-то вписываться в ее траекторию, то безбрежный русский крестьянский мир никак не желал в нее включаться.

И блокировала этот процесс столь желаемая российскому абсолютистско-монархическому устройству патриархальная сельская община. Именно она парализовала капиталистически-рыночную мотивацию сельского производителя. В самом деле, немислимо же считать стимулами к ней такие императивы крестьянской общины, как групповая (общинная) собственность на землю, коллективистская мораль и растворение индивидуалистских ориентаций в группоцентристски-конформистском «Мы-сознании», уравнивательные представления о социальной справедливости, понимание благополучия и даже счастья как, пускай, и далеко не лучшей жизненной ситуации, но зато стабильной, понятной и предсказуемой. (Сравним «рыночную» метафору: «кто не рискует, тот не пьет шампанского» с общинно-крестьянским идеалом «лучше синица в руках, чем журавль в небе»).

Тотально замкнутые в общинных структурах сельчане не имели даже относительной экономической свободы. И, прежде всего, потому, что не обладали частновладельческим суверенитетом по отношению к такому основополагающему средству и условию производства, как земля, которая находилась в общинном землевладении, т.е. коллективной собственности. Будучи отчужденными от права собственности на землю, они не могли сообразно своей воле распоряжаться ею: покупать и продавать, ограничивать либо расширять свой семейный надел, сдавать его в аренду и т.д. Если это и как-то допускалось, то только с санкции общины.

Общинники были лишены права выстраивать по личному усмотрению возможные варианты по поводу реализации относительно избыточного продукта своего труда. Часто он направлялся не на производительные цели собственного хозяйства или личное потребление семьи, а расплывался через механизмы общинного патернализма, традиционные, т.е. императивно предписанные институты социально-нормативного отчуждения, реципрокации и редистрибуции.

Следовательно, одно из важнейших условий капиталистической трансформации — способность к накоплению — не достигалось, ибо сводилось на нет общинным порядком уравнивательного перераспределения. Игнорирование подобных общинных социокультурных норм было сопряжено с утратой общественного престижа, а очень часто буквально с коллективным (общинным) «моральным террором». Не случайно экономику аграрно-традиционных обществ называют еще «расточительно-престижной».

Из сказанного выше правомерно утверждать, что российские аграрные структуры, «мигрировавшие» в дореволюционный Казахстан, по своим сущностным характеристикам ничуть не разнились с казахскими сельскими социумами. И те, и другие по своим социально-экономическим и социокультурным составляющим были буквально зеркальными аналогами, поскольку, если отвлечься от понятных конкретно-исторических особенностей, выступали морфологически схожими фрагментами общинно-крестьянского универсума или одной и той же, так сказать, аграрно-традиционной цивилизации. Поэтому представлять, как это делала советская, да и последующая историография, будто с российскими переселенцами (с 1891 по 1916 гг. в Край прибыли около 2 млн крестьянских колонистов) [1; л. 3] в Степь стали спонтанно проникать капиталистические влияния не более чем иллюзия. Как говорится, «водой воду не разбавишь».

Столь же мизерный модернизационный эффект обнаруживал российский капитал, привносимый в промышленность Края. И этому также есть методологические объяснения.

Как известно, всегда и везде система капиталистических отношений стремится сначала подчинить, а затем и преобразовать добуржуазные общественные формы. Только в этом случае достигается доминирование нового способа производства и его нормальное функционирование. Но в том-то и дело, что в Казахстане, как, впрочем, и в самой России, капиталистические отношения были представлены не системой, а лишь укладом, который к тому же являлся крайне ограниченным сектором социально-экономической структуры.

В условиях погружения привнесенного российского капиталистического уклада в плотную докапиталистическую среду слой промышленных предприятий дореволюционного Казахстана обнаруживал свой квазикапиталистический характер. Преследуя вполне капиталистические цели (создание и увеличение прибавочной стоимости), они базировали свое производство на методах эксплуатации, характерных для доиндустриальной стадии развития капитализма.

Словом, капитализм не располагал в регионе собственной базой для расширенного воспроизводства, а значит, и всепроникающим модернизационным влиянием. Сторонники обратного видения данного вопроса, не отягощая себя серьезной методологией и следуя когда-то заданным стереотипам, насыщали свои тексты обилием «цифр-аргументов».

Конечно, можно говорить о 675 фабрично-заводских предприятиях, возникших к 1913 г. в Казахстане, о формировании здесь «кадров национального рабочего класса» (до 51 тыс.), якобы как очевидного свидетельства модернизации [2; 42], но все это будет от лукавого, с целью все того же обнаружения «широкого и глубокого» проникновения в Край капиталистических отношений. О социально-экономической природе так называемых промышленных предприятий уже говорилось. По поводу же «рабочего класса» скажем лишь, что его ряды были представлены по преимуществу маргинальными слоями аула, выбившимися в силу своей пауперизации из привычной хозяйственной колеи, а потому временно ушедшими на сезонные заработки в город (так называемые отходники) или на какие-то промышленные объекты. Но от этого они вовсе не становились агентами капиталистической модернизации.

Много писалось, а подчас говорится и в настоящее время о развитии дореволюционных городов и их роли в качестве трансляторов модернизации. Под этим подразумевалось их значение в развитии образования и культуры Края, будировании общественной жизни и т.д. Действительно, процессы урбанизации в дореволюционном Казахстане обнаруживали заметное движение. Например, в Степном крае численность городского населения с 1895 по 1910 гг. возросла более чем в два раза: с 219 тыс. человек до 425 тыс. [3; 141].

Безусловно, города превращались в центры коммуникации, посредством которых устанавливались связи между отдельными районами. Однако следует иметь в виду, что в условиях российско-имперского порядка города Края главным образом выполняли функцию военно-административных торгово-финансовых колониальных центров. Созданная в них инфраструктура была призвана обеспечить эксплуатацию природных богатств региона и вывоза их в метрополию, должна была создавать необходимые условия по торгово-финансовому обслуживанию неэквивалентных потоков «вывоза-ввоза», т.е. обмена местного промышленного и сельскохозяйственного сырья на конечную продукцию, производимую в метрополии. Имперские городские анклавные не сообщали в Степь и сколько-нибудь интенсивных и обширных культурно-образовательных сигналов, поскольку были маргинальными по отношению к ней, являлись анклавами внутри безбрежной аграрно-традиционной периферии, т.е. жили своей изолированной жизнью.

Кроме того, нельзя не напомнить тем публицистам, которые пытаются увидеть какую-то корреляцию между ростом дореволюционных городов и их влиянием на степную периферию, что здесь, помимо всего прочего, существовал еще и такой блокирующий фактор, как «деспотия пространства». На огромнейшей территории дореволюционного Казахстана не имелось сколько-нибудь плотных информационных сетей (как, собственно, и во всей имперской метрополии); они обнаруживали свой крайне рассеянный характер. Необходимость распространения информации на обширные расстояния почти до полного затухания поглощала коммуникативные процессы или сильнее всего искажала их.

Итак, рассуждать о российско-имперском модернизационном опыте в аграрном пространстве Казахстана на рубеже XIX–XX веков, вероятно, не приходится в силу отсутствия его исторического факта. Напротив, колониальная политика, проводимая в Крае, еще больше ухудшала условия и факторы воспроизводства казахского хозяйства (отчуждение огромных земельных массивов в переселенческий фонд, всевозможные запреты на традиционные маршруты перекочевков, налоги и т.д.), консервировала аграрно-традиционное социокультурное бытие.

Теперь перейдем к советскому опыту модернизации. Начало его широкомасштабной реализации было связано с развертыванием процессов по тотальному огосударствлению отношений собственности, а именно коллективизацией сельского хозяйства и индустриализацией.

Из курса политэкономии социализма, этой вульгарно-идеологической антитезы рыночно-капиталистическим экономическим теориям, можно было узнать, что в СССР уже в конце 1930-х гг. сложилась единая социалистическая собственность. И она, якобы, была представлена двумя своими формами: государственной и колхозно-кооперативной.

На самом деле, колхозы являли собой типично огосударствленные структуры. Иначе, на каком основании, вопреки вещаниям о внутриколхозной демократии, колхозном самоуправлении, хозяйственной самостоятельности и прочем, именно государство в директивном порядке устанавливало почти все параметры колхозной жизни (планы производства и сдачи продукции, адреса потребителей и т.п.).

Коллективизация в своем конечном итоге привела ранее хозяйственно активного и экономически мотивированного хозяйствующего субъекта, т.е. крестьянина, к его отчуждению от средств производства и результатов труда. Сельские жители превратились в своеобразных маргиналов: как бы крестьяне, но уже утратившие подлинно крестьянский дух, ибо они, как и рабочие, становились теперь безвольными поденщиками государства, лишенными какой-либо заинтересованности в своем труде.

Но вернемся к началу коллективизации. Сталин фарисейски утверждал, что она проводилась для того, чтобы «жить стало лучше, жить стало веселее». Другими словами, для того, чтобы крестьяне модернизировались на социалистический лад. Однако настоящий ее смысл в тот период заключался совсем в других целях. Схема была простая: загнать крестьян в колхозы. Здесь они утратят право частной собственности на факторы и условия производства, которое перейдет исключительно в монополию государства. А узурпировав всю структуру отношений собственности крестьянства, можно будет уже как угодно эксплуатировать «вечно строптивного пахаря».

Колхозы, таким образом, явились удобным, эффективным и бесконфликтным для государства способом изъятия сельскохозяйственного продукта и «перекачки» его в промышленность. Ведь так называемая «социалистическая индустриализация» требовала огромных накоплений. И решалась эта проблема, главным образом, за счет экспорта за рубеж зерна. Оно в беспрецедентных масштабах безвозмездно изымалось у колхозов (отчуждение колхозной продукции осуществлялось по чисто символическим закупочным ценам, которые окупали лишь 1/20 ее себестоимости, какая уж тут доходность!).

В казахском ауле коллективизация сопровождалась седентаризацией, а правильнее будет сказать, силовой кампанией по переводу кочевников и полукочевников на оседлые формы хозяйства. В советской публицистике это чисто волюнтаристская акция сталинского режима высокопарно именовалась как «массовый перевод кочевого аула на рельсы социального прогресса».

В этом месте нельзя не признать, что кочевничество как форма хозяйства рано или поздно, но неизбежно становится объектом модернизации. Ведь в своем историческом развитии кочевническо-скотоводческие структуры исчерпывают некогда присущий им экологический и технологический потенциал и просто отмирают, так как они имманентно не способны адаптироваться к условиям индустриального урбанизированного общества, к требованиям рыночной экономики и ценностям высоко-развитой системы потребления.

Однако государству, опиравшемуся на нерыночную парадигму развития и на доиндустриальные производительные силы (каковым представал СССР), радикальная модернизация традиционно-аграрного фундаментализма была не под силу. Оно могло лишь как-то трансформировать его, а еще точнее, маргинализировать: крестьянин-номад переставал быть таковым, но вовсе не становился субъектом качественно новой системы хозяйствования, например, по типу фермерства. Собственно, именно это и продемонстрировал советский опыт.

Кроме того, особо подчеркнем, что в начале 1930-х гг. кочевое скотоводство сохраняло свою экологическую рациональность. Оно являлось тем типом хозяйственно-культурной деятельности, который на том доиндустриальном уровне развития производительных сил единственно только и мог вписаться в аридную экосистему Казахстана (степи, полупустыни и пустыни), служить способом ее эффективного экономического освоения.

Другими словами, кочевое и полукочевое скотоводство в тот период оставалось экологически и экономически целесообразной системой. Почему же оно было разрушено? Причем именно в 1930-е гг., а не позже, допустим, в 1950-е гг.?

Если не вдаваться в мистификации по поводу, якобы, озабоченности сталинского режима прогрессом казахского аула, то нужно будет сказать, что строгая привязка силовой седентаризации именно к 1930-м гг. объясняется все той же индустриализацией. Именно в связи с ней возросла потребность в зерне для экспорта, с тем, чтобы получать валюту и, вообще, накопления для промышленной модернизации. При этом зерна требовалось все больше и больше, ведь, помимо всего прочего, с новыми стройками росла и численность городского населения.

В этой связи возникла иллюзия, что, высвободив земли из-под скотоводческих пастбищ, можно будет отвести их под зерновой клин. Планы режима распространялись даже на аридные просторы: тогдашний нарком земледелия СССР Яковлев утверждал, что в Северном Казахстане «пустуют» 55 млн га пахотнопригодных земель (сельскохозяйственные лаборатории Карлага (концентрационного лагеря ГУЛАГа) экспериментировали по поводу возможности продвижения зернового хозяйства даже до экстрааридного Центрального Казахстана) [4; 189].

Коллективизация и седентаризация аула, устранившие здесь частно-семейную собственность на скот, а также масштабные государственные скотозаготовки и высокие налоговые изъятия, конфискации хозяйств крупных скотовладельцев обернулись кризисом животноводческой отрасли Казахстана. Так, если в 1928 г. в республике насчитывалось около 40 млн голов всех видов скота, то уже в 1932 г. его общее стадо сократилось до 4 млн голов, т.е. в 10 раз [5; 46–47]. Подобного Степь не знала даже во времена самых страшных иноземных нашествий или джутов.

Возникший в результате этого голод выкашивал казахские аулы. В 1932–1933 гг. от него погибло, по некоторым оценкам, около 1 млн 300 тыс. человек. Около 1 млн казахов, спасаясь от голода и репрессий режима, ушли за пределы республики, в том числе более 600 тыс. безвозвратно [6; 286].

Говоря об индустриальном развитии Казахстана, справедливо будет отметить, что оно способствовало изменению структуры его производительных сил (с аграрной на аграрно-индустриальную), формированию кадров национального рабочего класса, наращиванию процессов урбанизации, опосредованно влияло на видимые подвижки в образовательном и культурном уровнях населения и т.п.

Но вместе с тем понятно, что советская промышленная модернизация носила догоняющий характер. По своим технологическим качествам, уровню производственного аппарата (станки, оборудование и прочее) новые социалистические промышленные объекты являли репродукции вовсе не инновационной волны научно-технической революции, а уже прошлый и даже позапрошлый опыт Запада. Со всем скоро это обернется хроническим технологическим отставанием, экологическими проблемами.

После завершения войны 1941–1945 гг. вера в эффективность сверхцентрализованной экономики обрела качество еще более устойчивой идеологической константы. Апеллируя к победе в войне как доказательству правильности избранной модели развития, сталинская и последующая, партийно-государственная, пропаганда усиленно внедряли в массовое сознание имидж особой универсальности директивно-распределительной системы.

Между тем становилось все более очевидным, что вне чрезвычайных, по сути мобилизационных, условий последняя утрачивает свои и без того ограниченные потенции, ибо способна как-то функционировать лишь в экстремальной ситуации (война и т.д.). Поэтому не случайно уже в первые послевоенные годы весьма явно обозначились негативные тенденции и, прежде всего, продовольственные проблемы.

Арсенал средств реагирования на продовольственный кризис в условиях административно-командной экономики был сужен до предела. По сути, весь выбор ограничивался двумя рычагами: нормированием снабжения населения и экстенсификацией. В рамках программы экстенсификации зернового производства в 1950 г. зерновые площади увеличились в Казахстане по сравнению с 1946 г. на 1 млн 173 тыс. га [7; 21–26]. Только за счет этого фактора и удалось несколько увеличить валовые сборы зерновых культур.

И все же в годы первой послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.) статистика фиксировала в Казахстане среднегодовую урожайность, равную показателям 1913 г. (5,6 ц/га). Среднегодовые валовые сборы зерна оказались меньшими, чем в 1928 г. [7; 27–29].

В тяжелейшем состоянии продолжало оставаться животноводство республики. В 1951 г. здесь насчитывалось лишь 4,5 млн голов крупного рогатого скота (в 1928 г. — 6,5 млн), 1,5 млн лошадей (3,5 млн), 127 тыс. верблюдов (1 млн). И только по овцам, в силу их большей биологической репродуктивности, удалось приблизиться к уровню 1928 г. — в 1951 г. их насчитывалось 18036 тыс. [8; 16–18].

В рамках неизменной системы координат продолжала выстраиваться стратегия промышленного развития, где в качестве абсолютного приоритета виделось форсированное развитие оборонного комплекса и тяжелой индустрии. Что касается производства товаров широкого потребления, то оно фактически блокировалось, поскольку, как в то время декларировал вождь, «революции без жертв не бывает», а потому задача наращивания благосостояния может быть признана актуальной лишь в «светлом будущем».

После войны оправданием продолжавшейся политики игнорирования производства потребительских товаров и чрезмерной концентрации ресурсов на развитии военно-промышленного комплекса и производства средств производства стала служившая данность «холодной войны» и выводимая из нее опасность «новой империалистической агрессии». Играя на стереотипах не критического отношения к внутри- и внешнеполитическому курсу страны, ее руководство взамен нормального уровня жизни предлагало народу продолжать восхищаться грозной техникой на военных парадах, «впечатляющими» индустриальными пейзажами и невиданным размахом новых «строек коммунизма», без которых не одолеть нового врага, образ коего продолжала сотворять идеологическая машина.

Известно, что какие-либо изменения в обществе только тогда можно обозначить как подлинную модернизацию, когда они приводят к заметному росту качества жизни, социокультурной трансформации социума в целом. Сталинские же кампании конца 1920-х — начала 1950-х гг., напротив, обрекали население на страдания, нищенский уровень жизни, репрессии и смерть, консервировали общество в аграрно-традиционном социокультурном бытии. И уже поэтому называть их модернизацией было бы большой натяжкой, противоречащей правде истории.

В так называемые хрущевские реформы подчас также, хотя и имплицитно, но вкладывается модернизационный смысл. При этом наиболее сильно артикулируется его социально-политический аспект. И в качестве исходного момента здесь рассматривается XX съезд КПСС 1956 г. Как известно, на нем и была раскрыта некоторая толика преступлений некогда всемогущего вождя Сталина, подобно грому среди ясного неба, прозвучал доклад Н.С. Хрущева, в котором обличался культ личности.

Но в действительно исторической речи нового лидера страны красной нитью прослеживались попытки всего лишь дистанцировать Сталина от «ленинской партии», «ленинских норм партийной жизни», объяснить причины массовых репрессий утратой контроля партии над органами госбезопасности, происками Ежова и Берии и т.д., и т.п. Такая неуклюжая, конечно, с сегодняшней точки зрения, компенсаторная персонификация «великого террора» означала, что осуждался лишь «культ вождя», но вовсе не сама сталинская система.

Иначе говоря, по отношению к «хрущевской декаде» справедливо говорить об «оттепели», но ни о каком-то модернизационном контрапункте в политике советского государства. Трудно связывать ее, как это декларировалось в партийных документах того периода, и с «началом демократизации общества».

Имея в виду социально-экономические преобразования, следует заметить, что в их сути ни то чтобы сложно, но вообще невозможно усмотреть какие-либо модернизационные параллели.

Хрущевские реформации начинались в сельском хозяйстве, что было не только разумным, но и, по понятным причинам, естественным. Проходили они под лозунгом «Лицом к деревне!». Ориентация на качественно иное содержание в аграрной политике была пронизана верой, что стоит только вывести на колхозно-совхозные структуры инвестиционные артерии, как они тут же оживят «заложенный в их природе огромный потенциал». Принцип «чем больше вложишь — тем больше получишь», абсолютный для рыночной экономики, стал экстраполироваться на невосприимчивое к этой аксиоме социалистическое хозяйство.

Изменения в «аграрной» концепции получили свою реализацию и в Казахстане. Объемы капиталовложений в сельское хозяйство нарастали здесь еще более стремительно, чем по стране в среднем (в значительной мере это объяснялось «ставкой на целину»). В 1953–1958 гг. они увеличились по сравнению с 1946–1952 гг. более чем в 4 раза. Если в 1953 г. в сельскохозяйственное производство было вложено 97,2 млн руб., то в 1960 г. — 814,1 млн [9; 126–127].

Поворот «лицом к деревне» дал некоторые ощутимые результаты, причем неожиданно для руководства страны, почти сиюминутные. Но вряд ли принималось во внимание, что суть интенсификации заключается не просто в наращивании капиталовложений, энергетических мощностей, численности поголовья скота, посевных площадей и даже количественном увеличении выпуска продукции, а именно в повышении эффективности производства. В контексте же этого решающего критерия экономика СССР не шла ни в какое сравнение с развитыми капиталистическими странами.

В рассматриваемые годы Хрущев придерживался «генеральной линии партии» на выкорчевывание всяких проявлений частной собственности, тотальное обобществление сельского хозяйства. Даже колхозы с их якобы кооперативной формой собственности рассматривались как временная стадия перехода к более высоким общественным (читай: *огосударственным*) структурам. Отсюда во многом программные тезисы о стирании «граней между городом и деревней», «различий между промышленным и сельскохозяйственным трудом», идеи о создании агрогородов, поселков городского типа, индустриализации сельского хозяйства, понимаемой не только и даже не столько как его промышленная модернизация, а как средство придания колхозникам статуса, социального облика и стереотипов рабочего, а сельским поселениям — урбанизированного архитектурного антуража.

Что касается личных подсобных хозяйств колхозников, то еще со времен коллективизации они рассматривались как вынужденное неудобство, с которым в критические моменты продовольственного напряжения приходится мириться, но которое рано или поздно надо будет ликвидировать, ибо без этого не достигнуть полного «раскрестьянивания», столь победно начатого в годы сталинского «великого перелома». Из этой большевистской формулы проистекал «хрущевский натиск» на личные подсобные хозяйства колхозников (ограничение их размеров, усиление тяжести налогообложения и т.д.)

В начале 1950-х гг. страна продолжала испытывать достаточно острый кризис производства зерна. Смягчить, а затем и устранить его предполагалось за счет резкого увеличения посевных площадей. В этой связи был взят курс на распашку гигантских земельных массивов на востоке страны. Наиболее масштабно проводилась она в Северном Казахстане, где в конечном итоге было распахано около 25 млн гектар (га) земли.

Понятно, что беспрецедентные антропогенные вторжения в обширнейшие девственные ареалы Степи не могли не вызвать масштабных экологических последствий. Так, уже в первые годы (1955–1958) начались пыльные бури на легких почвах в Павлодарской области, а в начале 60-х гг. процессы выдувания почв охватили земли всего целинного региона. К 1960 г. в Северном Казахстане было подвержено ветровой эрозии более 9 млн га почв, что равнялось тогда примерно всей сельскохозяйственной площади такой страны, как Франция [6; 248].

Заданный в алгоритме задачи окончательного «снятия» зерновой проблемы курс на освоение целины не решил ее. На долю СССР стало приходиться 16 % всех зерновых площадей на Земном шаре (для сравнения КНР — 13 %, Индия — 14, США — 8,5 %). Тем не менее страна стабильно входила в

пятерку крупнейших мировых импортеров зерна. По некоторым оценкам, за десять лет (1976–1985) его было закуплено более 308 млн т на сумму в 50 с лишним млрд долл.

Причем это были «нефтедоллары»: в 1960 г. было продано 17,8 млн т нефти, закуплено 200 тыс. т зерна, в 1985 г. экспортировано 117 млн т нефти, импортировано 44,2 млн т зерна [6; 251]. Попросту говоря, зерно обменивали на невозполняемые природные ресурсы — нефть.

В ходе освоения целины обострилась проблема региональных противоречий в развитии производительных сил Казахстана. Согласно советской экономической доктрине централизованные капиталовложения должны были направляться, прежде всего, туда, где создавались полюсы экстенсивного роста. А потому в этот период именно целина, как и промышленный Восток и индустриальный Центр республики, стала основным полюсом притяжения государственных инвестиций в ущерб другим регионам республики. В результате производственные и социальные инфраструктуры развивались в последних гораздо менее динамично, а производительные силы чуть ли не стагнировали, порождая вопросы занятости и пауперизации населения, демографические и экологические проблемы и т.д. Все это служило базой для возникновения проблемы «Север – Юг» (отсталые в плане развития производительных сил западный и южный регионы и относительно более развитые Север, Восток и отчасти Центр), чреватой негативными последствиями в самых разных проекциях, многие из которых отчетливо проявляются сегодня.

Брежневский период принято считать «годами застоя». Но это опять-таки инсинуации советской идеологии, правда, уже «горбачевского разлива». На самом деле, советская экономика к этому времени стала просто более обнаженно демонстрировать свои, объективно заданные ее нерыночной, а потому глубоко экстенсивной, природой возможные пределы роста. Что касается общественно-политической базы советской системы, то она вступила в закономерную для любых социальных утопий фазу саморазрушения. Другими словами, как это не камуфлирую идеологическими завесами, нарастал именно системный кризис.

Следует сказать, что в 1965–1985 гг. индустриализационные процессы протекали в Казахстане достаточно динамично. Он превратился в один из развитых промышленных регионов СССР. По объему ВВП республика занимала 3-е место в СССР (после России и Украины). Здесь находилась одна из основных баз цветной металлургии страны, действовали обширный топливно-энергетический комплекс, развитая химическая отрасль, угледобывающая промышленность, имелся огромный (даже по мировым стандартам) потенциал нефтедобычи. Здесь находились крупнейшие в стране месторождения урана.

В республике производилось 95 % союзного объема хрома, 83 — баритов, 90 — желтого фосфора, 40 — кормовых фосфатов, более 30 — меди, 50 % серебра. Потребности СССР в свинце и цинке на 70–80 % покрывались из казахстанских месторождений. Доля в союзном производстве каменного угля составляла 20 %: к энергетическим углям Казахстана были традиционно привязаны ТЭС на Урале и в Сибири. Каждая 8-я тонна товарной железной руды была казахстанского происхождения [10; 588].

Но если рассматривать промышленность региона в структурном разрезе, то нетрудно будет заметить ее нарастающую сырьевую направленность. Преимущественное развитие получили топливно-энергетический комплекс, цветная и черная металлургия, химическая и нефтехимическая отрасли. В результате сложился относительно высокий удельный вес добывающего сектора промышленности (14–16 % против 9 по СССР), тогда как, например, доля машиностроения в общем объеме промышленного производства составляла всего 7 % (27,4 % по СССР). За пределы казахстанского экономического района вывозилось, как правило, дешевое сырье, а поступала дорогостоящая конечная продукция с высокой добавленной стоимостью. Отсюда перекося стоимостного баланса ввоза-вывоза: Казахстан вывозил продукции на 8, а ввозил — на 16 млрд руб. [11].

Нельзя не отметить, что в структуре промышленности Казахстана по-прежнему доминировало производство средств производства, тогда как производство предметов потребления имело удельный вес, равный чуть более 20 %. В результате производство товаров народного потребления в Казахстане достигало только половины среднесоюзного уровня, его объемы были в 3,6 раза меньше, чем, например, в Литве, в 4,2 раза, чем в Латвии и Эстонии. В 1981–1985 гг. в Казахстане производилось потребительских товаров на сумму в 628 руб. в год, что равнялось примерно двухмесячной зарплате квалифицированного рабочего [12; л. 8].

Располагая почти 8 % крупного рогатого скота от его общесоюзной численности, 56 — поголовья овец и коз, производя 23 % общесоюзного производства шерсти, Казахстан имел лишь 5,7 % в производстве трикотажных изделий, 4,1 — шерстяных тканей и обуви. Армения, которая производила

шерсти в 23 раза меньше, чем Казахстан, изготавливала в 1,5 раза больше носочно-чулочных изделий. В целом же товаров народного потребления в расчете на одного жителя выпускалось в Казахстане в 1,9 раза меньше, чем в среднем по СССР, почти в 2 раза меньше, чем в Грузии; 2,1 — Армении; 3,6 — Литве; 4,1 — Эстонии; 4,3 — Латвии; 2,3 раза меньше, чем в Молдавии. Еще более удручающими выглядели конкретные цифры. Из 15-ти союзных республик Казахстан по этому показателю занимал лишь 12-е место, оставляя позади себя только Узбекистан, Таджикистан и Туркмению [13].

Из данных официальных народнохозяйственных отчетов вырисовывалась в общем-то достаточно благополучная картина развития промышленности. Поэтому общество не видело не то что бы явных симптомов, но и каких-то косвенных, статистически фиксируемых опосредованных кризиса. Ведь долгие десятилетия единственным критерием функциональности и эффективности экономики был рост валового продукта, приучивший оценивать любую динамику только с количественной стороны: если объемы продукции по сравнению с предшествовавшей базой хоть как-то возрастали, значит, отрасль в динамике, если нет — производство стагнирует. А цифры говорили о перевыполнении на миллионы тонн планов по стали, чугуну, нефти, углю и т.д.

Между тем «ползли в заоблачную высь» и графики импорта. Такая симметричность тенденций могла означать только одно: промышленность, выпуская огромное количество, скажем, стали, сама по себе, испытывала огромный дефицит ее сортамента (электростали, проката из низколегированной стали и т.д.; в 1985 г. из 155 млн т стали, выплавленной в стране, 85,5 млн, т.е. значительно больше половины, приходилось на «дедовский» мартеновский способ) [13]. Следовательно, если в количественном отношении валовое предложение продукции подчас перекрывало спрос, то по качеству сильно отставало. Вместе с тем динамика в производстве той же стали при ее относительно незначительном экспорте свидетельствовала о гипертрофированной металлоемкости промышленности: только в машиностроении излишний вес продукции достигал 12–15 млн т, что в 2,5 раза перекрывало годовой объем сталелитейной промышленности Казахстана [14; 43–44].

Непроизводительная ресурсоемкость была характерна для всех отраслей экономики республики. В Казахстане в расчете на душу населения производилось и потреблялось электроэнергии больше, чем во многих высокоразвитых странах. По логике, согласно которой экономическое благосостояние и производительность труда во многом определяются среднедушевыми показателями потребления производства энергии, республика должна была представлять собой процветающий регион. Но в действительности индексы энергопотребления и развития экономики были более чем неадекватны. И это могло говорить только о том, что экономика оставалась сверх всяких норм расточительно энергозатратной.

В аграрном секторе показатели динамики увеличения валовой продукции были также неадекватны нарастающим из года в год затратам. Так, если в 1966–1975 гг. их среднегодовые показатели составляли 5 %, 1976–1980 гг. — 2,5, то в 1981–1985 гг. — всего 0,1 %. Если же учесть, что немалая доля валовой продукции аграрного комплекса приходилась на личные подсобные хозяйства населения (в среднем в год за 1981–1985 гг.: по картофелю — 56 %, овощам — 32, бахчевым — 35, плодово-ягодным культурам — 53, мясу — 31, молоку — 44, яйцам — 35, шерсти — 22 %), то динамика валового производства в колхозно-совхозных структурах обретает в рассматриваемые годы еще более удручающую картину [14; 43–44].

По официальным данным того периода, производительность труда в сельском хозяйстве росла от пятилетки к пятилетке. Согласно же современным расчетам, в 1981–1985 гг. она по отношению к 1966–1970 гг. не повысилась, а, наоборот, упала на 10 %. О крайне низкой эффективности труда говорят сравнительные страновые данные. Так, чистый результат от всей деятельности в расчете на одного работника в Казахстане составлял всего 11 руб., или по нереальному валютному курсу тех лет что-то около 25 долл., тогда как в США этот показатель равнялся 59 тыс. долл., в Великобритании — 42 тыс., в Германии — 32 тыс. долл. Один работник в среднем гипотетически «кормил» лишь 13 человек (в США — 80, Швейцарии — 100, Нидерландах — 60 чел.) [15; 32]. И это не мудрено, если иметь в виду, что в сельском хозяйстве Казахстана, в отличие от развитых стран, 65–75 % технологических операций совершались посредством ручного труда.

В 1981–1985 гг. 53 % совхозов и колхозов Казахстана были убыточны, а размеры убытка вылились в млрд руб. (в Талды-Курганской области были убыточными 72 % совхозов и колхозов, в Уральской — 78, Семипалатинской — 68, Целиноградской — 60 % и т.д.) [16].

Продолжал действовать затратный механизм. Так, в животноводстве затраты на производство 100 руб. валовой продукции составили в 1981–1985 гг. 120 руб. [17; 36–38]. В рассматриваемые годы цена

реализации не возмещала даже себестоимости в производстве мяса крупного и мелкого рогатого скота, овощей, сахарной свеклы, молока и молочных продуктов, свинины, шерсти и т.д. Все это свидетельствовало о том, что колхозно-совхозная организация производства была не рентабельной и, в случае ее гипотетического функционирования в пространстве плотной рыночной конкуренции, рухнула бы в одночасье.

Глубоко иррациональную природу структурных образований эпохи «великого перелома» (колхозов и совхозов, которые постоянно интерпретировались пропагандой как яркие свидетельства «революционной модернизации сельского хозяйства») обнаруживала их неспособность выполнять свою прямую функцию — обеспечивать общество продовольствием. Располагая на своей территории 2/3 мировых черноземов, занимая первое место в мире по площади сельхозугодий (603 млн га в СССР, 431,5 — в США, Канаде — 78, Нидерландах — 2,0 млн га), являясь абсолютным лидером по поголовью крупного рогатого скота, овец, свиней и птицы, обладая стадом коров, в 10 раз большим, чем Великобритания, и в 40 с лишним раз, чем Дания (крупнейший экспортер масла), имея 23 млн человек, занятых в сельском хозяйстве (в США — 3 млн), СССР оставался крупнейшим импортером продовольствия. Советский импорт сельхозпродукции возрос со среднегодового уровня в 2,6 млрд долл. (20 % всего импорта) в 1970–1972 гг. до 19 млрд долл. (24 %) в 1981–1985 гг. Если в 1970 г. было закуплено на мировых рынках 165 тыс. т мяса и мясопродуктов, то в 1985 г. — 857 тыс., животного масла — соответственно 2,2 и 276 тыс. т, сахара-песка — 2745 и 4125 тыс. т [18; 31–36].

Таким образом, в ходе осуществления советской социально-экономической политики были созданы хозяйственные структуры, которые, в силу их «огосударственной сущности», далеко не отвечали действительно модернизационным. Свойственные им технологические, производительные, менеджмент-управленческие, природоохранные и прочие параметры никак не соответствовали передовым современным требованиям.

А потому для них был закономерен процесс так называемого «застоя», если выразить точнее, то они начинали все более четко «выписывать» кардиограмму, близкую к предынфарктному кризису. Последней попыткой выйти из него явилась горбачевская «перестройка».

Начиная с апреля 1985 г. были предприняты тщетные, как скоро оказалось, попытки реализовать декларированную в обществе концепцию «ускорения». В качестве ее главного момента виделась идея обновления производственного аппарата (станки, оборудование, технологические линии и прочее). Как считали ее инициаторы и «архитекторы» (например, академики-экономисты А. Аганбегян, В. Заславская и другие) посредством перераспределения валютных ресурсов с закупки потребительских товаров (продовольствие, ширпотреб и т.д.) на преимущественное приобретение импортных технологий и продукции машиностроения удастся уже к 1990 г. довести долю машин, станков, конвейерных линий, оборудования, приборов, отвечающих по своим инновационным характеристикам мировым стандартам, до 90 %. Как следствие — резкое повышение производительности труда, а отсюда и ускорение экономического развития.

В аграрной сфере резерв ускорения усматривался во внедрении достижений НТР, новых технологий и других факторов интенсификации сельскохозяйственного производства. Как подчеркивал М.С. Горбачев в своих выступлениях в Целинограде (ныне Нур-Султан) в сентябре 1985 г., эти моменты способны сообщить сильнейший импульс колхозно-совхозной системе, потенциал которой, якобы, огромен.

Между тем такая постановка проблемы, будучи аксиоматично верной для рыночной экономики, абсолютно не интегрировалась в советскую модель. Монополия производителей напрочь лишала их интереса к любым инновационным технологиям и управленческим практикам, ведь в условиях тотального дефицита любая их продукция (даже бракованная) расхватывалась, что говорится «с лету».

Очень быстро несостоятельность концепции ускорения выявилась и в сельском хозяйстве. Здесь также все объяснялось отношениями собственности. Огосударственная колхозно-совхозная система уже в силу своей природы была не способна воспринять достижения научно-технической революции, новейшие технологии и научные системы земледелия. Колхозники и рабочие совхозов, являясь, по сути, бесправными поденщиками у государства, отчужденными от средств производства и результатов труда, были в принципе безразличны к общественному производству и рассматривали работу здесь как своеобразную барщину. В рамках такой хозяйственной мотивации говорить о сколько-нибудь серьезной интенсификации было излишне самоуверенно.

Провальные результаты начального периода перестройки наглядно демонстрировали несостоятельность попыток реформирования экономики посредством облегченных подходов. Становилось

ясным, что «косметическими» методами, стилизованными под реформу, здесь не обойтись, ибо кризисные (как раз в это время протекавшие в обществе процессы впервые начинают характеризоваться не как застой, а именно как кризис) причины лежат гораздо глубже — в системе производственных отношений. В этой связи общественным сознанием начинает все более широко овладевать понимание, что путь к динамизации и благосостоянию страны лежит через рынок и частную собственность, т.е. те веки, которые в своей эволюции прошли все развитые цивилизованные государства.

Однако руководство страны по-прежнему проявляло нерешительность, медлительность и излишнюю осторожность. Именно этим объясняются попытки соединить план и рыночную стихию и тем самым выйти на некую модель социалистического рынка, подменить частную собственность надуманными гибридами (арендой, арендным подрядом и т.д.) Ярким примером «шараханий» этого периода стали половинчатые законы о государственном предприятии (объединении) и о кооперации. Хотя они и сообщали обществу движение вперед, тем не менее проблемы не решали. Требовались гораздо более радикальные меры.

В этой связи становилось ясно, что только с перемещением центра принятия решений из бюрократических чертогов в более активный, реформаторски ориентированный орган можно было, по крайней мере, надеяться на эффективное прохождение социально-политических новаций. Такие предпосылки были созданы после образования в результате весенних выборов 1989 г. народного парламента. Именно на его трибуне развернулась активная борьба за переход к рынку и частной собственности, отход от политической монополии КПСС как важнейшим условиям создания на обломках тоталитарной империи демократического общества.

Между тем исторический лимит подходил уже к своим запредельным параметрам. Ливень «нефтедолларов», под которым расцвела иллюзия советского благосостояния, неожиданно прекратил извергать свои обильные потоки (объемы добычи нефти снизились почти в 2 раза, а цены на ее «бочку» беспрецедентно обрушились). Кредитные транши уже никто не предоставлял, сомневаясь в платежеспособности СССР (его внешний долг, по оценкам, составлял от 150 до 250 млрд долл.) [19; 42–48].

Но, несмотря на столь драматично развернувшиеся коллизии, экстенсивная инерция продолжалась. Все также военно-промышленный монстр категорически не желал умерить свои аппетиты, оттягивая на себя столь необходимые гражданским отраслям производства средства (в советской оборонке производилось танков в 3 раза больше, чем в США). Продолжали стоять в очереди за иждивенческой квотой «братья по социализму». Всеобщий дефицит в семимильных сапогах уверенно шагал по городам и весям, обходя только советскую витрину — Москву. Уже далеко не гипотетической становилась угроза голода (по мнению, Е. Гайдара).

Требовалось не «перестраивать», а решительно демонтировать, причем не только экономические конструкции, но и возведшую их социально-политическую систему. Однако консервативное руководство страны, будучи по природе своей коммунистическими ортодоксами, демонизировавшие в процессе всей своей партократической карьеры частнособственнические отношения и рынок, продолжали упражняться в некоей компромиссной демагогии (типа: «рынок, но социалистический», хотя кентавр существует только в мифологии). В результате страна, как этого и следовало ожидать от объективно-императивной исторической динамики, вошла в экономический и политический коллапс, который и обрушил ее.

Еще совсем недавно все мы были проникнуты неподдельным чувством пафоса от осознания того, что являемся гражданами одной из величайших в мире индустриальных держав. И в этом было не так уж мало от истины, ибо СССР, действительно, представлял собой страну с гигантской индустриальной инфраструктурой, высоким удельным весом промышленного сектора в производстве валового общественного продукта, солидным научно-техническим и образовательным потенциалом, динамичными процессами урбанизации и вполне индустриальной структурой занятости, достаточно адекватным качеством трудовых ресурсов и населения в целом.

Однако если в контексте технико-экономических характеристик и сложившейся структуры производительных сил вырисовывался хотя и виртуальный, но все же имидж индустриального гегемона, то в призме культурно-цивилизационных маркеров общество обнаруживало статус, весьма и весьма далекий от этой претензии.

Фанатично уверовав в директивно-распределительную, вне рыночную систему как единственно правильную модель общественно-политического устройства, большевистские радикалы провели огосударствление всей структуры отношений собственности, отбросив тем самым общество на обочину всемирно-исторической эволюции, обрекая его прозябать в плену иррационального бытия.

Догоняющая промышленная модернизация и воздействие факторов научно-технической революции динамизировали чисто экстенсивные индустриализационные процессы в СССР, но в культурно-цивилизационном плане не меняли его статуса как общества аграрного типа, остающегося далеко за пределами ареала индустриального универсума. «Китайская стена», выстроенная государством, поющим гимн «коллективному братству равных», надолго заключила людей в закрытое общество, превратив их в заложников традиционно-аграрного логоса с его приматом неличных (личных) связей и примитивно-групповой идеологии.

И это, пожалуй, главный аргумент, вызывающий глубокие сомнения по поводу наделения советского эксперимента характеристиками, так сказать, «классической» модернизации. Ведь главным смыслом ее является созидание именно современного общества. А его критерии выстраиваются не только и даже не столько в линейке сугубо экономических параметров.

Мы знаем ряд прецедентов, когда та или иная страна имеет довольно высокие формальные макроэкономические индикаторы, но при этом низкое качество народонаселения в целом и эксклюзию подавляющей части общества относительно более или менее нормальных жизненных стандартов. Можно демонстрировать достаточно адекватные модернизации, научно-технические достижения, но за счет ущемления прав людей на лучшую жизнь (как это было в СССР, где точечные технологические прорывы в военной сфере, т.е. в военно-промышленном комплексе, никак не влияли на рост благосостояния общества и даже существенно сдерживали его, оттягивая на себя огромнейшую часть госбюджета). Ни таким уж ярким маркером модернизации выступает динамика урбанизации, поскольку ее процессы очень часто обнаруживают свои искаженные формы и имеют больше характер рурализации, когда массово привносимые стереотипы сельской (аграрно-традиционной) субкультуры подавляют и ассимилируют имманентные устои города, нейтрализуя его исторически «родовые» модернизационные функции (в Бразилии, например, около 86 % населения проживает в городах, но их большая часть представлена пауперизированно-люмпенизированной массой).

Выводы

Понятно, что модернизация — проект многовекторный, а потому у него обширная гамма самых разных составляющих и проекций (не случайно в науке наработано обилие теорий и концептов модернизации, которые включают в аналитическую процедурность самые различные стороны жизнедеятельности общества) [20]. Однако большинство исследователей все же согласно, что, возможно, и несколько утопической, но неизбежно фундаментальной тенденцией развития современного, т.е. действительно модернизированного общества, является формирование подавляющего слоя таких его членов, которые выступают не просто посторонними созерцателями социально-экономических трансформаций, но их сознательными и творческими субъектами. Это должны быть индивиды, обладающие свободой в своих выборах и предпочтениях, секуляризованные от каких-то строго и жестко предписанных и уже изначально predeterminedных корпоративно-групповых связей, условных статусов и ролей, готовые к инновациям и изменениям, плюрализму и толерантности, четко и ответственно осознающие и активно реализующие свои политические и гражданские права и т.п.

Советский опыт модернизации имел своим продуктом конструирование совершенно иного общества и, соответственно, его массового субъекта — «простых советских людей». «Homo soveticus», гордо прозванный «человеком новой эры», в действительности сохранял ментальность все того же аграрного общества. По-прежнему растворяясь в группе и отождествляя себя лишь с ней, мазохистски и всецело отдаваясь магии авторитета, он видел в качестве единственно рациональной и надежной субстанции слепое подчинение большому и сильному целому и олицетворявшему это целое — «богу-человеку».

Содержание данной ментальности не менялось от того, что, будучи адаптированной к «социалистической идее», она стала нарекаться «марксистско-ленинской идеологией», референтные группы вычленились как «партия» или «класс», а авторитет персонифицировался не племенным вождем, а иконой в лице Генерального секретаря.

Советское государство, если отвлечься от его социально-политических обозначений (тоталитарности) и придерживаться исключительно характеристик социокультурного плана, являло собой типичный образец аграрного, традиционного общества. Реальная данность этого определяла и природу массового общественного сознания. Идеологическое обрамление изменяло лишь его внешние формы, но, отнюдь, не сущностное содержание. Несмотря на пропагандистско-идеологические претензии на «особость» советской ментальности, она, по большому счету, была рефлексией (отражением) пусть

превращенного, а все же именно аграрно-традиционного, но вовсе не современного, модернизированного общества.

Итак, можно сделать вывод, что советский модернизационный опыт, вбрасывавшийся режимом в общество на протяжении десятилетий, закончился историческим фиаско. Иного быть и не могло, поскольку советская система, в силу своей заданной иррациональности, была невосприимчива к целям и идеям подлинной модернизации.

Только сегодня они начинают осваиваться казахстанским обществом (как и всем постсоветским пространством). Но это уже новое сообщество граждан, устремленное в построение рыночной экономики и на ее основе — либерально-демократического государства, нацеленное именно на такой модернизационный опыт, которым движимы авангардные эшелоны современного человеческого Универсума. Важно подчеркнуть, что стратегические программы развития Республики Казахстан в ряде своих перспективных аспектов ориентируют не на догоняющую модернизацию, а на ее инновационную модель. И в этом таятся оптимистические ожидания общества.

Список литературы

- 1 АП РК. — Ф. 708. — Оп. 139. — Д. 2533. — Л. 3.
- 2 Нусупбеков А.Н. Формирование и развитие рабочего класса в Казахстане / А.Н. Нусупбеков. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. — 244 с.
- 3 Минц И.И. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане / И.И. Минц. — Ташкент: Фан, 1967. — 768 с.
- 4 XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. — М., 1930. — 200 с.
- 5 Казахстан за 50 лет: стат. сб. — Алма-Ата, 1970. — 570 с.
- 6 Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. / Ж.Б. Абылхожин. — Алматы: Университет Туран, 1997. — 360 с.
- 7 Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельскохозяйственных культур: стат. сб. — Алма-Ата, 1989. — 275 с.
- 8 Животноводство Казахстана: стат. сб. — Алма-Ата, 1989. — 453 с.
- 9 Народное хозяйство Казахстана в 1968 году: стат. сб. — Алма-Ата, 1970. — 120 с.
- 10 Абусейтова М. История Казахстана и Центральной Азии / М. Абусейтова, Ж. Абылхожин, С. Кляшторный, Н. Масанов, Т. Султанов, А. Хазанов. — Алматы: Білім, 2001. — 620 с.
- 11 Казахстанская правда. — 1988. — 20 дек.
- 12 АП РК. — Ф. 708. — Оп. 135. — Д. 326. — Л. 8.
- 13 Аргументы и факты. — 1989. — № 24.
- 14 Мир в цифрах: стат. сб. — М., 1992. — 502 с.
- 15 Народное хозяйство СССР за 70 лет: стат. сб. — М., 1989. — 623 с.
- 16 Аргументы и факты. — 1991. — № 21.
- 17 Совхозы и колхозы Казахстана: стат. сб. — Алма-Ата, 1989. — 235 с.
- 18 Рентабельность и себестоимость сельскохозяйственного производства в Казахской ССР: стат. сб. — Алма-Ата, 1989. — 220 с.
- 19 СССР и зарубежные страны: стат. сб. — М., 1992. — 520 с.
- 20 Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. — М., 1996. — 416 с.

Ж.Б. Абылхожин

Қазақстандағы жаңартудың ресейлік-империялық және кеңестік тәжірибесін тарихи бағалау жөніндегі дискурс

Мақалада Қазақстандағы жаңартудың ресейлік-империялық және кеңестік үлгілерінің дәрменсіздігі туралы аргументтер қарастырылған. Бірінші тәжірибе патшалықтың өзінің «мессиандық-цивилизаторлық рөлін» жүзеге асыруға деген мақсаты әдейі жасалған деген тұрғыдан қарастырылмайды. Оның астарында қандайда империялық отарлау саясатының қандайда бір жанама немесе еріксіз «өнімі» жатыр. Кеңестік тәжірибеге байланысты жаңартудың әлеуметтік мәдени аспектісін ескере отырып, оның аграрлық-дәстүрлі қоғамның тіреуіне, яғни «социалистік» жетілдірілген формасына негізделген деген қорытынды жасалады. Сондықтан, көптеген жағдайларда квазижаңартылған нәтижелерге ие болды. Мақалада «жаңартудың» тек қана әлеуметтік-экономикалық жағы қарастырылған, себебі оның мәдени-білім проекциясына назар аударылмайды, бұл мәселе ерекше зерттеуді талап етеді.

Кілт сөздер: Қазақстан, жаңарту, империя, кеңестік мәдениет, аграрлық-дәстүрлі менталдық дискурс.

Zh.B. Abylkhozhin

To the discourse on historical assessments of the Russian-imperial and Soviet experience of modernization in Kazakhstan

The article makes arguments that seem to be able to justify the failure of the Russian-imperial and Soviet models of modernization in Kazakhstan. As for the first experience, of course, it is not understood here in the sense and quality of the deliberately given and purposeful desire of tsarism to fulfill its supposedly «messianic-civilizing role». By it is meant a certain by-product or involuntarily associated «product» mediated by imperial colonial policy. In connection with the Soviet experience, it is concluded that it was based (if we bear in mind the socio-cultural aspect, which essentially determines the quality of modernization) on the foundations of an agrarian-traditional society, albeit in his deeply transformed, i.e. modified by «socialist» introductions, form. And therefore, in many respects had quasi-modernization results. It should be noted right away that the article considers the purely social and economic aspects of «modernization», while its cultural and educational projections are omitted here, because they require special consideration.

Keywords: Kazakhstan, modernization, empire, Soviet culture, agrarian-traditional mentality, discourse.

References

- 1 AP RK [The President's Archives of the Republic of Kazakhstan]. F. 708, Op. 139, D. 2533, L. 3 [in Russian].
- 2 Nusupbekov, A.N. (1966). *Formirovanie i razvitie rabocheho klassa v Kazakhstane* [Formation and development of working class in Kazakhstan]. — Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 3 Minc, I.I. (1967). *Pobeda Sovetskoi vlasti v Srednei Azii i Kazakhstane* [The victory of the Soviet power in Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent: Fan [in Russian].
- 4 XVI sezd VKP(b). *Stenograficheskii otchet* (1930). [XVI congress VKP(b). Verbatim record]. Moscow [in Russian].
- 5 *Kazakhstan za 50 let. Statisticheskii sbornik* (1970). [Kazakhstan in 50 years. Statistic digest]. Alma-Ata [in Russian].
- 6 Abylkhozhin, Zh.B. (1997). *Ocherki sotsialno-ekonomicheskoi istorii Kazakhstana. XX vek* [Essays on social-economic history of Kazakhstan. XX century]. Almaty: Universitet Turan [in Russian].
- 7 *Dinamika posevnykh ploshchadei, urozhainosti i valovykh sborov osnovnykh selskokhoziaistvennykh kultur. Statisticheskii sbornik* (1989). [The dynamics of sown areas, productivity and gross harvest of major crops. Statistical Digest]. Alma-Ata, 275 [in Russian].
- 8 *Zhivotnovodstvo Kazakhstana. Statisticheskii sbornik* (1989). [Livestock of Kazakhstan. Statistic digest]. Alma-Ata [in Russian].
- 9 *Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana v 1968 godu. Statisticheskii sbornik* (1970). [National economy of Kazakhstan in 1968. Statistic digest]. Alma-Ata [in Russian].
- 10 Abuseitova, M., Abylkhozhin, Zh., Kljashturnyi, S., Masanov, N., Sultanov, T., & Hazanov, A. (2001). *Istoriia Kazakhstana i Tsentralnoi Azii* [History of Kazakhstan and Central Asia]. Almaty: Bilim [in Russian].
- 11 *Kazakhstanskaia Pravda* (1988, 20 dec.). [Kazakhstani Truth]. [in Russian].
- 12 AP RK, F. 708, Op. 135, D. 326, L. 8 [in Russian].
- 13 *Arhumenty i fakty* (1989). [Arguments and Facts]. No. 24 [in Russian].
- 14 *Mir v tsifrakh. Statisticheskii sbornik* (1992). [The world in numbers. Statistic digest]. Moscow [in Russian].
- 15 *Narodnoe khoziaistvo SSSR za 70 let. Statisticheskii sbornik* (1989). [National economy of the USSR in 70 years. Statistic digest]. Moscow [in Russian].
- 16 *Arhumenty i fakty* (1991). [Arguments and Facts] [in Russian].
- 17 *Sovkhozy i kolkhozy Kazakhstana. Statisticheskii sbornik* (1989). [Sovkhozes and kolkhozes of Kazakhstan. Statistic digest]. Alma-Ata [in Russian].
- 18 *Rentabelnost i sebestoimost selskokhoziaistvennogo proizvodstva v Kazakhskoi SSR. Statisticheskii sbornik* (1992). [Profitability and cost of agricultural production in the Kazakh SSR. Statistical Digest]. Alma-Ata [in Russian].
- 19 *SSSR i zarubezhnye strany. Statisticheskii sbornik* (1992). [USSR and foreign countries. Statistic digest]. Moscow [in Russian].
- 20 Shtompka, P. (1996). *Sotsiologiia sotsialnykh izmenenii* [Sociology of social change]. Moscow [in Russian].